

ТЕССА
ДЭР

*Шанец
с герцогом*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

Д94

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Tessa Dare

ONE DANCE WITH A DUKE

Перевод с английского Е.А. Ильиной

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения автора,
издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Дэр, Тесса

Д94 Танец с герцогом : роман / Тесса Дэр; пер.
с англ. Е.А. Ильиной. — Москва: АСТ, 2014. —
350, [2] с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-087200-8

Красавца Спенсера Дюмарка, герцога Морленда называют в свете Полночным Герцогом. Каждый раз, когда часы в бальном зале отбивают полночь, он приглашает даму на тур вальса — и этот танец прекрасен, точно ночь любви. Однако Спенсер не уделяет особого внимания ни одной из светских красавиц... пока однажды все не изменяется. В ту ночь решительная и прекрасная Амелия д'Орси приглашает его на танец сама — и покоряет гордое сердце Дюмарка...

Девушка, хотевшая только поговорить с ним о долгах беспутного брата, неожиданно для себя оказывается втянута в рискованную, смертельно опасную игру безумной страсти. И она даже не знает, кому подарила сердце, — ведь, возможно, Спенсер убийца...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

© Eve Ortega, 2010

© Перевод. Е.А. Ильина, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Глава 1

Лондон
Июнь 1817 года

Ежевичная глазурь!

Амелия д'Орси закусила губу, чтобы сдержать возглас ликования. Даже на таком званом вечере, как этот, сорвавшийся с губ благовоспитанной леди возглас радости непременно привлек бы всеобщее внимание, а Амелии вовсе не хотелось объясняться перед окружавшими ее молодыми леди. Тем более что поводом для радости послужил вовсе не выигрыш за карточным столом и не предложение руки и сердца, а всего лишь очередное блюдо в обеденном меню.

Амелия даже представила, как все будет.

— О, леди Амелия, — всплеснула бы руками одна из девушек, — только вы можете думать о еде в такой момент.

Нет, Амелия вовсе не собиралась стоять посреди танцевального зала и мечтать о семейном обеде в загородном поместье. Просто она давно уже раздумывала о новом соусе для тушеного фазана вместо надоевшего яблочного. Амелии хотелось чего-то сладкого, но вместе с тем терпкого, неожиданного, но знакомого, затейливого, но не слишком дорогого. Наконец ответ нашелся сам собой. Ежевичная глазурь. Процеженная. Ммм... С добавлением сахара и специй.

Решив записать рецепт в своем дневнике позже, Амелия отбросила прочь мысли о новом блюде и изобразила на лице вежливую полуулыбку. Теперь лето в Брайер-бэнке получится идеальным.

Мимо в облаке алого шелка проплыла миссис Бэнском.

— Половина одиннадцатого, — пропела хозяйка бала. — Почти полночь.

Почти полночь. Хватит уже думать о меню.

Закутанная в метры тюля дебютантка с лицом херувима схватила Амелию за запястье.

— Он появится в любую секунду. Как вы можете оставаться столь спокойной? Если он выберет меня, я наверняка упаду в обморок.

Амелия вздохнула. Ну, началось. Подобное происходило на каждом балу, едва лишь часы отбивали половину двенадцатого.

— Вам не придется вести беседу, не волнуйтесь, — заметила молодая леди в платье из зеленого атласа. — Во время танца он не произносит ни слова.

— А он вообще говорит по-английски? Я слышала, будто он рос в Абиссинии или...

— Нет, нет, в Канаде. И конечно же, он говорит по-английски. Мой брат играет с ним в карты. — Вторая девушка понизила голос. — И все же есть в нем что-то первобытное, вы не находите? Это видно по тому, как он двигается.

— А мне кажется, вы придаете слишком большое значение сплетням, — заметила Амелия.

— Вальсирует он божественно, — вставила третья собеседница. — Когда я с ним танцевала, мои ноги словно парили над полом. Вблизи он еще красивее.

Амелия снисходительно улыбнулась:

— В самом деле?

В начале сезона неприлично богатый и ведущий затворнический образ жизни герцог Морленд решил таки почтить общество своим присутствием. А спустя несколько недель уже весь Лондон плясал под его дудку. Герцог приезжал на балы, едва только стрелки часов отсчитывали полночь, и выбирал из всех присутствующих

щих леди одну-единственную. Едва лишь танец заканчивался, он провожал свою партнершу к столу и... исчезал.

Не прошло и двух недель, как газеты окрестили его Полночным герцогом, а представительницы высшего света взялись соперничать друг с другом за право пригласить его светлость к себе на бал. Леди на выданье не отдавали никому последний танец перед ужином из страха упустить возможность потанцевать с герцогом. Чтобы добиться пушшего эффекта, хозяйки ставили часы на видное место и приказывали оркестру начинать играть ровно в двенадцать часов ночи. По неписаному правилу бал открывал романтический медленный вальс.

Ежевечернее представление держало общество в сладостном предвкушении. Чем меньше времени оставалось до полуночи, тем больше наполнялся ароматами духов воздух, а атмосфера в танцевальном зале становилась все напряденнее. Многочисленные мнения сводились к одному: однажды какой-нибудь краснеющей робкой дебютантке удастся заарканить непокорного холостяка, положив начало легенде.

Имя герцога порождало многочисленные истории и сплетни. Впрочем, так бывало всегда, когда в деле фигурировал человек с таким огромным состоянием и положением в обществе.

— Я слыхала, он родился и вырос в диких лесах Канады, — произнесла одна из девушек.

— А я слышала, что он мало чем отличался от дикаря, когда дядя взял его к себе в дом, — сказала вторая. — Вел он себя столь грубо и необузданно, что старого герцога хватил удар.

— Мой брат рассказывал, будто в Итоне имел место один случай, — пробормотала леди в зеленом. — То ли ссора, то ли драка, я не знаю точно. Но один молодой человек чудом избежал смерти, и Морленда исключили из университета. Наверняка произошло нечто ужасное, раз осмелились наказать герцогского наследника.

— Вы не поверите тому, что услышала я, — произнесла Амелия, округлив глаза от ужаса. Остальные леди

заинтересованно вскинули головы и подались вперед. — До меня дошел слух, — с заговорщицким видом прошептала Амелия, — будто в полнолуние герцог превращается в кровожадного дикобраза.

Когда смех стих, Амелия добавила:

— Нет, я, право, не верю, что герцог заслуживает столь пристального внимания к своей персоне.

— Вы бы так не говорили, если б потанцевали с ним хоть раз.

Амелия покачала головой. Она наблюдала одну и ту же сцену бесчисленное количество раз за последние несколько недель и откровенно веселилась в душе, не испытывая при этом ни малейшего желания оказаться в центре всеобщего внимания. Нет, это не было притворным равнодушием, потому что Амелия действительно не видела ничего романтического и интригующего в обычном самолюбовании молодого повесы. Да и кому, как не холостому, богатому и красивому герцогу, покорять дамские сердца? Амелии он казался несносным и весьма испорченным.

Девушки, выбираемые им для единственного танца, были похожи одна на другую как две капли воды: симпатичные, но глупые и совершенно неинтересные дебютантки. На такую, как Амелия, он даже не посмотрит.

Впрочем, Амелия немного лукавила — легкую горечь она все же испытывала.

Время шло, и приближался момент, когда общество негласно запишет ее в старые девы. Амелия всякий раз с раздражением вспоминала о собственной непопулярности у представителей противоположного пола, когда с наступлением полуночи взгляд скандально известного герцога безразлично скользил мимо нее, чтобы остановиться на какой-нибудь не перестающей прихорашиваться дебютантке.

Впрочем, у герцога не было причин останавливать свое внимание на Амелии. Ее приданое могло называться приличным с очень большой натяжкой, а что касалось внешности... Хорошенькой Амелию нельзя было назвать

даже в год ее дебюта. Ее глаза казались слишком блеклыми, и она с легкостью заливалась краской. К своим двадцати шести годам Амелия уже смирилась с тем, что ей никогда не стать стройной.

Внезапно девушки бросились врассыпную, точно стайка перепуганных птичек, а за спиной Амелии раздался тихий шепот:

— Сегодня ты восхитительна.

Вздыхнув, Амелия резко повернулась.

— Джек. Что тебе нужно на этот раз?

Молодой человек прижал ладонь к лацкану сюртука и обиженно надул губы.

— Ну почему ты меня каждый раз в чем-то подозреваешь? Неужели я не могу сделать своей дражайшей сестре комплимент просто так?

— Нет, если речь идет о тебе. Кроме того, выражение «дражайшая сестра» — вовсе не комплимент. Я твоя единственная сестра, и если тебе нужны деньги, придумай что-нибудь получше. — Амелия намеренно поддразнивала брата в надежде, что вопреки ее ожиданиям он возразит: «Нет, Амелия. На этот раз я не стану просить денег. Я бросил пить и играть. Не встречаюсь больше со своими друзьями, которые тебе так не нравятся. Я вернусь в университет, а потом приму сан священника, как и обещал нашей матери перед смертью. Кроме того, ты действительно выглядишь чудесно».

Бросив взгляд на гостей, молодой человек понизил голос:

— Всего-то несколько шиллингов.

Плечи Амелии безвольно опустились. Часы еще не пробили полночь, а глаза ее брата уже горели болезненно-горячечным блеском, подогретым алкоголем и не предвещавшим ничего хорошего.

Взяв брата за локоть, Амелия отделилась от стайки молодых леди и направилась в сторону террасы. Теперь они стояли в круге желтого света, проникавшего сквозь высокие стеклянные двери. Прохладный воздух веял сыростью.

— У меня нет денег, — солгала Амелия.

— Всего несколько шиллингов, чтобы заплатить за экипаж, Амелия. — Джек схватился за сумочку, свисавшую с руки сестры. — Мы собираемся в театр.

Как же, как же. Скорее в очередной игорный притон. Амелия прижала расшитую бисером сумочку к груди.

— А как попаду домой я?

— Морленд тебя подвезет, — подмигнул Джек. — После того как потанцует с тобой. Я поставил на тебя два фунта.

Прекрасно. Еще два фунта, которых она лишится из-за безрассудности брата.

— И ты, конечно же, уверен в выигрыше.

— Не говори так. — Джек погладил сестру по руке, и в его глазах неожиданно промелькнула искренность. — Ему ужасно повезет, если ты ответишь согласием, Амелия. Ни одна из присутствующих в этом зале леди не сможет с тобой сравниться.

Слезы обожгли глаза Амелии. После гибели их брата Хью под Ватерлоо Джек сильно изменился. И отнюдь не в лучшую сторону. Однако все же изредка ее дорогой нежный брат, которого Амелия так любила, ненадолго становился прежним. В такие моменты Амелии отчаянно хотелось заключить его в объятия, прижать к себе и не отпускать на протяжении недель и даже месяцев, пока он не избавится от своего хрупкого панциря, в котором прятался последнее время.

— Да ладно тебе. Будь паинькой, одолжи мне пару крон. Я отправлю к Лорану слугу, и он пришлет за тобой свое шикарное новое ландо. Так что поедешь домой с таким же шиком, что и его рыжая наследница.

— Ее зовут Уинифрид. Она теперь графиня Бьювел, так что относись к ней с уважением. Благодаря ее приданому Майкл смог купить офицерский чин, а Уильям продолжил обучение в школе. Благодаря ей и Лорану у нас есть дом.

— А я ничемный неблагодарный брат, который приносит семье лишь бесчестье и разочарование. Знаю, знаю. — Джек заставил себя улыбнуться. — Тебе жаль нескольких монет, чтобы от меня отделаться?

— Ну как ты не понимаешь? Я не хочу от тебя отделиться. Я люблю тебя, дурачок. — Амелия пригладила непослушную прядь волос, имевшую обыкновение выбиваться из прически на виске. — Ты не позволишь мне помочь тебе, Джек?

— Конечно, позволю. Начни с шиллинга или двух.

Амелия развязала тесемки сумочки негнушимися пальцами.

— Я отдам тебе все, что у меня есть, с одним условием.

— И что это за условие?

— Ты должен пообещать, что этим летом поедешь с нами в Брайербэнк.

Семейство д'Орси всегда проводило лето в Брайербэнке — небольшом каменном коттедже, что располагался на склоне холма, спускавшегося от руин замка Бьювел к реке Уай. Амелия на протяжении многих месяцев планировала эту поездку. Она продумала все, начиная с камчатных скатертей и заканчивая желе из смородины. Брайербэнк был решением всех проблем. Она знала это.

Смерть Хью ошеломила всех членов семьи, а Джека — более всего. Из всех братьев эти двое были самыми большими друзьями. Несмотря на небольшую разницу в возрасте, Хью проявлял большую мудрость, а его серьезность всегда уравнивала необузданность Джека. Амелия опасалась, что, лишенный поддержки брата, Джек в конце концов окажется в беде.

Ему необходимы любовь и время, чтобы оправиться от пережитого горя. Время вдали от большого города и рядом с семьей. Вернее, с тем, что от нее осталось. Здесь, в Лондоне, Джека постоянно окружали соблазны. А необходимость соответствовать своим богатым расточительным друзьям давила на него тяжким бременем и подрывала материальное положение семьи. В Брайербэнке он вновь станет самим собой — веселым беззаботным Джеком, каким его помнила Амелия. Юный Уильям сможет приехать в родовое гнездо на каникулы. Майкл не вернется к тому времени из плавания, зато Лоран и Уинифрид присоединятся к остальным на неделю или две.

Амелия будет идеальной хозяйкой. Такой, как мама. Она украсит комнаты вазами с львиным зевом, организует театрализованные представления и игры на свежем воздухе, будет угощать присутствующих тушеным фазаном в ежевичной глазури.

Она сможет сделать всех счастливыми простым усилием воли. Или подкупом, если потребуется.

— Здесь корона и три шиллинга, — произнесла Амелия, доставая из сумочки деньги. — Дома еще шесть фунтов. — Сбереженных, сэкономленных, собранных по крохам. — Они твои, если пообещаешь провести август в Брайербэнке.

Джек зацокал языком.

— Он тебе ничего не сказал?

— Кто? Что сказал?

— Лоран. Мы не поедем этим летом в Брайербэнк. Все решилось лишь на этой неделе. Мы его сдадим.

— Сдадите? — Амелия почувствовала себя так, словно кровь вдруг перестала струиться по ее венам. В глазах у нее разом потемнело, и она схватила брата за руку. — Сдадите Брайербэнк? Чужим людям?

— Ну, не таким уж чужим. Мы бросили клич и теперь ждем предложений от нескольких уважаемых семей. Наш коттедж — настоящий лакомый кусок.

— Да, — вымолвила Амелия. — Да, я знаю. Это место настолько чудесно, что семейство д'Орси проводило там каждое лето на протяжении нескольких столетий. Столетий, Джек. Так с какой стати нам менять сложившиеся традиции?

— А разве мы еще не переросли игру в шары и нудные чаепития? Там скучно, как в могиле. Это же почти у границы с Ирландией.

— Скучно? Что ты хочешь этим сказать? Ты ездил туда каждое лето, ходил на реку и... — Внезапно Амелия все поняла, и по ее спине пробежал холодок. — О нет. Сколько ты проиграл? Сколько задолжал?

Джек не стал ничего отрицать.

— Четыре сотни фунтов.

— Четыре сотни! Кому?

— Морленду.

— Полночному гер... — Амелия осеклась. Слишком уж нелепым казалось ей это прозвище. Нет, она не станет признавать скандальную известность герцога. — Но ведь он еще даже не появился. Как ты умудрился проиграть ему четыре сотни, когда его здесь нет?

— Это случилось не сегодня, а несколько дней назад. Вот почему мне нужно уйти. Он прибудет с минуты на минуту, а я не могу показываться ему на глаза до тех пор, пока не выплачу долг.

Лишившись дара речи, Амелия в оцепенении смотрела на брата.

— И не смотри на меня так, я этого не вынесу. Я держал себя в руках, пока Фэради не поставил на кон свой жетон. Вот тогда-то Морленд и заинтересовался игрой, невероятно подняв ставки. Он спит и видит, как бы собрать все десять.

— Десять чего? Жетонов?

— Ну да. Жетоны — это все. — Джек картинно развел руками. — Вот только не убеждай меня, будто тебе ничего об этом не известно. Речь о самом популярном в Лондоне клубе для джентльменов.

Когда Амелия ничего не ответила, Джек попытался напомнить:

— Харклиф. Осирис. Один племенной жеребец и десять медных жетонов. Ты слышала об этом клубе. Я знаю, что слышала.

— Извини, но я понятия не имею, о чем ты сейчас говоришь. Кажется, ты пытаешься сказать, что поставил на кон родовое гнездо своих предков против какого-то медного жетона. И проиграл.

— Я и так уже проиграл несколько сотен и не мог выйти из игры. А мои карты, Амелия... лучше мне еще никогда не выпадало, клянусь.

— И все же ты проиграл.

Джек обреченно пожал плечами:

— Что сделано, то сделано. Если бы я мог добыть денег каким-то другим способом, я бы непременно это

сделал. Мне очень жаль тебя разочаровывать, но ведь в Брайербэнк можно поехать следующим летом...

— Да, но... — Следующего лета придется ждать еще целый год, и одному Богу известно, в какую еще неприятность попадет тем временем Джек. — Должен быть какой-то другой выход. Попроси денег у Лорана.

— Ты знаешь, что он не даст.

Джек был прав. Их старший брат женился по расчету, фактически принеся себя в жертву. В тот момент их семья очень сильно нуждалась, и тут под руку подвернулась Уинифрид с весьма щедрым приданым и отцом-магнатом. Проблема состояла лишь в том, что мешки с этим самым приданым были туго завязаны, и ослабить веревку мог только тесть Лорана. Старик ни за что не позволил бы зятю выплатить долг брата в четыреста фунтов стерлингов.

— Мне нужно уехать до прибытия Морленда, — произнес Джек. — Ты же понимаешь.

Джек снял сумочку с безвольной руки сестры, и та даже не попыталась возразить, когда он вытряхнул на ладонь монеты. Да, Амелия понимала. Даже если от их жалкого состояния совсем ничего не останется, д'Орси все равно не поступятся своей гордостью.

— Но ты хотя бы усвоил урок? — тихо спросила у брата Амелия.

Джек перепрыгнул через низкую ограду террасы и позвенел зажатými в кулаке монетами.

— Ты же знаешь меня, Амелия. Я никогда не был прилежным учеником. Всегда все списывал у Хью.

Глядя вслед удалявшемуся брату, Амелия обняла себя за плечи.

Ну почему судьба столь жестока? Брайербэнк сдается внаем! Все то счастье, которое хранили каменные полы, сложенные из грубых плит каминны и пучки свисавшей со стропил лаванды, достанется совершенно чужим людям. Все ее усилия, приложенные к тому, чтобы составить меню и придумать развлечения, потрачены впустую. Без этого дома семья д'Орси лишится стержня, а Джеку негде

будет излечиться от горя. Но что еще более ужасно — у нее не станет собственного жилья.

Со статусом старой девы Амелия тоже не готова была смириться. И все же смирилась бы, если бы у нее имелась возможность проводить каждое лето в старом коттедже. Стены его заряжали ее энергией, помогая пережить следующий год. В то время как ее подруги собирали себе приданое, Амелия с удовольствием вышивала чехлы на стулья в Брайербэнке. Пока они развлекали гостей, Амелия тешила себя мыслями о бегониях на окнах. А когда ею — умной, здравомыслящей и воспитанной — пренебрегали ради более молодых, симпатичных и удачливых леди, она воодушевлялась при мысли о ежевичной глазури.

Стоя в одиночестве на террасе, Амелия дрожала. Судьба повернулась к ней спиной, монотонно разбивая одну ее надежду за другой.

Часы в доме пробили полночь.

— Его светлость герцог Морленд!

Объявление мажордома прозвучало одновременно с последним ударом часов.

С верхней ступени лестницы Спенсер наблюдал, как толпа гостей распалась надвое, точно половинки спелого персика, оставив в середине кучку юных леди, ожидавших приглашения на танец. Замерев на месте, они дрожали под взглядом загадочного герцога.

Спенсер никогда не любил больших скоплений людей. И особенно он терпеть не мог скоплений выскочек, разряженных в пух и прах. С каждой ночью разворачивающееся перед глазами Спенсера действие становилось все нелепее. С каждым днем сливки общества взирали на него с возрастающим благоговением.

«Мы не знаем, чего от вас ожидать», — читалось в устремленных на него взглядах.

Очень удобно, а иногда и выгодно оставаться загадкой для всех. Спенсеру потребовалось несколько лет, чтобы овладеть этим навыком в совершенстве.

«Мы вам не доверяем». Об этом свидетельствовали пробежавший по толпе шепоток, напряженные позы джентльменов и руки леди, инстинктивно прикрывавшие украшения на шеях. Ну и пусть. Иногда полезно сделать так, чтобы люди тебя боялись.

Но более всего Спенсера веселила безмолвная мольба, сквозившая во взглядах абсолютно всех присутствующих.

«Ну же, выбери одну из наших дочерей».

О Господи. Неужели он действительно должен это делать?

Неторопливо спускаясь по лестнице, Спенсер морально готовил себя к весьма неприятной половине часа. Будь его воля, он поселился бы в деревне и никогда больше не посещал балов. Но во время своих визитов в город он не мог отклонить всех приглашений. Чтобы его подопечная Клаудия удачно вышла замуж, нужно основательно подготовиться к ее дебюту.

Поэтому он все же появлялся на светских мероприятиях, но играл при этом исключительно по собственным правилам. Единственный танец. Не более. И по возможности никаких бесед. Раз уж общество готово бросить к его ногам своих дражайших девственниц... что ж, он будет выбирать.

Обычно он выбирал самую юную и скучную леди, предпочитающую нравиться всем сразу, нежели искать лишь его внимания. Но однажды на балу у Прайса-Фостера Спенсер совершил ошибку, пригласив на танец мисс Франсин Уотерфорд — юную красотку с живым лицом и пухлыми розовыми губами. Однако эти восхитительные губы потеряли привлекательность, едва лишь их обладательница заговорила. Она без умолку болтала на протяжении всего танца. Но что еще хуже — она ожидала ответов на свои реплики. В отличие от остальных леди мисс Уотерфорд не удовлетворилась короткими кивками и невразумительным покашливанием. Она вынудила таки Спенсера произнести около дюжины слов.

Это было наказанием за его слишком взыскательный вкус. Теперь хватит с него красоток. Сегодня он выберет

кроткую, молчаливую простушку. Пусть она не будет отличаться привлекательностью. Лишь бы молчала.

Когда Спенсер приблизился к кучке юных леди, его взгляд остановился на худенькой, точно тростинка, девушке, переминавшейся с ноги на ногу чуть поодаль от остальных. Платье цвета дыни придавало ее лицу нездоровый желтушный оттенок. Спенсер направился к ней, однако она поспешно спряталась за спиной подруги. И решительно отказывалась поднять глаза. То, что нужно.

Спенсер уже протянул руку, чтобы пригласить девушку на танец, когда его внимание привлек какой-то шум. Зазвенели стекла. Хлопнула дверь, и звонко зацокали по мраморному полу чьи-то каблучки.

Спенсер машинально развернулся. Молодая женщина в голубом платье пронеслась по залу со скоростью бильярдного шара и остановилась прямо перед ним. Рука Спенсера была все еще вытянута вперед, и незнакомка в голубом решительно взялась за нее.

Присев в реверансе, она произнесла:

— Благодарю вас, ваша светлость. Почту за честь.

Повисла неловкая пауза, после которой снова зазвучала музыка.

Донельзя разочарованные юные леди, недовольно ворча, разошлись по залу в поисках других партнеров. Впервые за весь сезон Спенсер танцевал с леди, которую выбрал не сам. Это она его выбрала.

Как удивительно.

И как неприятно.

Но ничего не поделаешь. Дерзкая леди уже встала напротив него для контрданса. Встречались ли они раньше?

Пока остальные танцующие выстраивались в две линии по обе стороны от них, Спенсер принялся изучать свою партнершу. К сожалению, восхищаться было нечем. Если в ней и присутствовало какое-то благородство, все затмевал ее отнюдь не изящный бег по залу. Выбившиеся из прически локоны спадали на лицо, а дыхание с усилием вырывалось из груди. Подобное состояние вовсе ее не украшало, зато обращало внимание на вздымавшуюся при каждом